

RU

Способы речевого манипулирования фактического и логического уровней в информационно-аналитических текстах англоязычных СМИ

Парамонова М. И.

Аннотация. Цель исследования – выявить основные виды манипулятивного воздействия фактического и логического уровней и способы их реализации в англоязычных информационно-аналитических статьях. Научная новизна работы заключается в том, что в ней определены способы речевого манипулирования указанных типов, активно используемые авторами информационно-аналитических материалов в настоящее время, описаны речевые приемы и языковые средства реализации данных способов оказания манипулятивного воздействия. В результате исследования установлено, что скрытое воздействие на аудиторию осуществляется при помощи искажения информации за счет использования речевых приемов интерпретации цитаты, смешения факта и мнения, навязывания пресуппозиции, навешивания ярлыков, преувеличения/преуменьшения значимости описываемых событий и явлений, деформации сообщаемых сведений; селекции информации согласно выбранной линии изложения событий; умолчания (блокирования) информации, не соответствующей позиции журналиста; таких паралогических приемов, как бездоказательное утверждение, прием комплексной эквивалентности, отождествление с негативно оцениваемой социальной группой, программирующая номинация, проведение неправомερных аналогий. Осуществление данных видов манипулятивного воздействия обеспечивается использованием разнообразных языковых средств, важное место среди которых занимают средства, способствующие созданию эмоционально-оценочного компонента текста.

EN

Methods of speech manipulation of factual and logical levels in information and analytical texts of English-language media

M. I. Paramonova

Abstract. The purpose of the study is to identify the main types of manipulative effects of the actual and logical levels and ways to implement them in English-language information and analytical articles. The scientific novelty of the work lies in the fact that it defines the methods of speech manipulation of these types, which are actively used by the authors of information and analytical materials at the present time, describes speech techniques and linguistic means of implementing these methods of manipulative influence. As a result of the study, it was found that the hidden impact on the audience is carried out by distorting information through the use of speech techniques for interpreting quotations, mixing fact and opinion, imposing presupposition, labeling, exaggerating/downplaying the significance of the events and phenomena described, deforming the information reported; selecting information according to the chosen line of presentation of events; omission (blocking) information, not corresponding to the position of the journalist; such paralogical techniques as an unsubstantiated statement, the reception of complex equivalence, identification with a negatively evaluated social group, programming nomination, and making illegal analogies. The implementation of these types of manipulative influence is ensured by the use of a variety of linguistic means, an important place among which is occupied by means that contribute to the creation of an emotional and evaluative component of the text.

Введение

Данная статья посвящена изучению способов оказания манипулятивного воздействия, состоящих в выгодной для автора презентации фактов и событий, а также в преднамеренном нарушении законов логики при изложении материала, в информационно-аналитических статьях англоязычных средств массовой

информации. Актуальность исследования обусловлена значительным ростом влияния СМИ на общество, их особой ролью в формировании общественного мнения. Наблюдается усиление функции воздействия во всех жанрах медиатекста, однако особый интерес в этом плане представляет информационная аналитика, где данная функция традиционно более выражена. Воздействие, оказываемое средствами массовой информации на аудиторию, все чаще приобретает манипулятивный характер, что является одной из примет так называемой эпохи пост-правды в журналистике. Для осуществления манипулятивного воздействия журналисты часто прибегают к нарушению принципов фактологичности и истинности в описании событий, а также использованию паралогических приемов. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть данные способы речевого манипулирования в информационно-аналитических текстах, а также языковые средства, обеспечивающие их реализацию.

Для достижения поставленной цели исследования были поставлены следующие задачи: изучить основные виды речевых манипуляций фактического и логического уровней, которые применяются в медиатекстах; провести анализ современных англоязычных информационно-аналитических статей в плане использования в них указанных видов речевого манипулирования; выявить речевые приемы и языковые средства, при помощи которых реализуются рассматриваемые виды манипулятивного воздействия.

В качестве материала исследования использовались информационно-аналитические статьи электронной версии газеты *The Guardian* (рубрика *Opinion*), опубликованные на одноименном сайте www.guardian.co.uk в 2024 году:

1. Apps P. Our lack of affordable, safe housing is a national crisis. Here are three things Labour can do to fix it. 2024. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/mar/27/safe-affordable-housing-labour-social-housing-homelessness>;

2. Behr R. When Rishi Sunak speaks, the nation shrugs. There's no coming back from that. 2024. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/apr/10/rishi-sunak-european-court-human-rights>;

3. Borger J. 'He's not broken': a year later, Evan Gershkovich is still in Russian prison. 2024. <https://www.theguardian.com/world/2024/mar/29/evan-gershkovich-russia-prison-wsj-reporter>;

4. Brivati B. Labour is the party of sound defence and hatred of tyranny. Now it must show that in Ukraine. 2024. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/jan/02/labour-defence-ukraine-keir-starmer-history>;

5. Jenkins S. Does China spy on Britain? Of course. But we have more important things to discuss with them. 2024. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/mar/26/china-spy-on-britain-more-important-things-to-discuss>;

6. Monbiot G. From the playground to politics, it's the bullies who rule. But it doesn't have to be this way. 2024. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/mar/30/playground-politics-bullies-competition>;

7. Tisdall S. Putin's lethally negligent failure can't be covered up. The Moscow attack leaves him weaker than ever. 2024. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/mar/25/putin-failure-moscow-attack-weaker-than-ever>.

В процессе исследования применялись следующие методы: метод теоретического анализа научной литературы для определения степени разработанности рассматриваемой проблемы, существующих подходов и точек зрения в данной области; описательно-аналитический метод для систематизации фактического материала и выведения закономерностей в процессе описания; контекстуально-интерпретативный метод, позволивший выявить механизм реализации манипулятивного воздействия на основе анализа контекста; дискурсивный анализ информационно-аналитических текстов для интерпретации отобранных примеров речевого манипулирования с учетом экстралингвистических факторов (политический контекст, ценностная парадигма и ожидания реципиента, устойчивое отношение у тому или иному явлению в обществе и др.). При отборе эмпирического материала применялся метод сплошной выборки.

Теоретической базой исследования послужили работы в области медиалингвистики, журналистики, психологии, посвященные изучению оказания воздействия на аудиторию: по теории речевого воздействия (Нефедова, 1997; Быкова, 1999; Никитина, 2006; Данилова, 2011; Стернин, 2012; Копнина, 2012; 2021; Ильичева, 2013; Чернявская, Молодыхенко, 2017), по психологии манипулирования (Доценко, 1997; Битянова, 2001; Кара-Мурза, 2001), работы, исследующие специфику аналитических жанров медиатекстов (Тертычный, 2000; Добросклонская, 2008).

Практическая значимость работы видится в возможности использования результатов исследования в преподавании дисциплин по медиалингвистике, а также при обучении студентов стилистическим и жанровым особенностям медиатекстов в рамках дисциплин стилистической направленности.

Обсуждение и результаты

Особенности речевого манипулирования и основные виды манипулятивного воздействия фактического и логического уровней в современных медиатекстах

В процессе коммуникации язык используется не только как средство сообщения информации, но и как средство воздействия на адресата. При этом воздействие может оказываться как при помощи логических умозаключений и аргументации, в основе которой лежат реальные факты, когда речь выступает в качестве средства убеждения собеседника осознанно изменить свое мнение или поведение (собственно речевое воздействие), так и путем манипулирования, когда воздействие осуществляется неявно, собеседник меняет свое отношение, мнение, поведение неосознанно (Стернин, 2012, с. 56). Наиболее существенным признаком манипулятивного воздействия, по мнению большинства исследователей, является именно его скрытый характер (Быкова, 1999; Доценко, 1997; Кара-Мурза, 2001; Стернин, 2012). Скрытому уровню манипуляции противопоставлен явный –

выполняющий функцию мифа для маскировки истинных целей и намерений источника манипуляции (Доценко, 1997), что фактически приводит к двойному воздействию на адресата (Ильичева, 2013).

Другими важными признаками воздействия манипулятивного характера являются преднамеренность воздействия, побуждение собеседника к действиям, выгодным манипулятору, или к изменению точки зрения по определенным вопросам вопреки собственным намерениям, сложившейся системе принципов и убеждений (Данилова, 2011; Нефедова, 1997; Чернявская, Молодыхенко, 2017). При этом коммуникант, подвергающийся манипуляции, не осознает, что принимаемые им решения, осуществляемый выбор, предпринимаемые действия являются результатом манипулятивного воздействия. Это становится возможным благодаря особым психологическим и психолингвистическим механизмам, которые заставляют адресата воспринимать информацию некритично, способствуют формированию заблуждений и иллюзий в его сознании, обеспечивают «коммуникативную слепоту», подталкивают к пассивному признанию правоты манипулятора (Битянова, 2001; Быкова, 1999).

В научной литературе дан ряд определений понятия «речевая манипуляция». Данная работа опирается на определение Г. А. Копниной (2021), которая под речевой манипуляцией понимает воздействие на адресата в скрытой форме, осуществляемое за счет использования особых языковых средств, способствующих формированию ложного представления о каком-либо объекте действительности и определенного отношения к нему, что ведет к изменению позиции и поведения адресата в выгодном для манипулятора направлении.

В настоящее время средства массовой информации все больше используются как орудие воздействия, в то время как сообщение информации имеет второстепенное значение, что становится особенно ощутимым в условиях социально-политической нестабильности. В связи с этим отличительной чертой современных медиатекстов является интенсивное использование речевых манипуляций для оказания давления на общественное сознание (Ильичева, 2013; Никитина, 2006). Авторы манипулятивных материалов ставят цель укрепить позиции поддерживаемых ими политических деятелей или партий, дискредитировать политических оппонентов, изменить настроение общества в ту или иную сторону, вести пропаганду определенных идей и взглядов. При этом речевое манипулирование в медиатекстах характеризуется скрытостью, целенаправленностью, опосредованностью, направленностью на массовую аудиторию, тщательным отбором эффективных речевых средств и специальных технологий (Никитина, 2006), а основным инструментом его реализации является имплицитная информация, направленная на прагматизацию имиджа и позитивное обозначение адресанта, дезинформирование реципиента, создание негативного образа соперника адресанта (Патюкова, Оломская, 2020).

Особое место в плане оказания воздействия на аудиторию занимают информационно-аналитические тексты, которые, являясь индивидуально-авторскими материалами, сочетают функции информирования, интерпретации и воздействия, причем ведущую роль в текстах данного жанра приобретают такие компоненты, как интерпретационно-аналитическая и комментирующая части, выражение авторского мнения и оценки (Добросклонская, 2008). Основной задачей информационно-аналитической статьи является объяснение аудитории общественной и личной значимости актуальных явлений, событий и процессов, их причинно-следственных связей, возникающих последствий, а также тактических и стратегических интересов участников данных событий и процессов (Тертычный, 2000). Исследования, посвященные изучению информационной аналитики, в большей степени нацелены на выявление жанрообразующих признаков, композиционной структуры, лингвистических способов выражения категории идеологической модальности. Важной задачей также является изучение приемов речевого манипулирования, использующихся в современных информационно-аналитических статьях, поскольку они являются эффективным инструментом оказания влияния на читателя.

В связи с тем, что ведущими функциями информационно-аналитических материалов являются сообщение информации и ее интерпретация с целью оказания влияния на аудиторию, представляется целесообразным рассмотреть такие виды манипулятивного воздействия в данных текстах, которые связаны с отбором, преобразованием и подачей информации, а также с соблюдением законов логики в речи – речевые манипуляции фактического и логического уровней. С. Г. Кара-Мурза (2001) выделяет следующие приемы манипулирования информацией: фабрикация фактов, отбор событий, изменение смысла слов и понятий, утверждение и повторение, стереотипизация. Г. А. Копнина (2012) к способам манипулирования информационным потоком относит искажение, селекцию и сокрытие информации. В качестве способа информационного манипулирования рассматривается также расширение сведений об описываемом объекте за счет включения дополнительных, метакоммуникативных и модифицированных сведений (Шакенова, Айтмагамбетова, 2024). Согласно исследованиям, посвященным изучению приемов манипулятивного воздействия в современных медиатекстах, журналисты чаще прибегают к искажающему преобразованию, утаиванию и выборочному представлению информации так, чтобы она вписывалась в избранную линию повествования (Рябуха, Шлопакова, 2022). Активно используются авторами медийных материалов и так называемые паралогические риторические приемы (Вязигина, 2014). Данные манипулятивные приемы трактуются как осознанные и целенаправленные отклонения от законов формальной логики – закона достаточного основания (приемы отождествления с негативно оцениваемой социальной группой, проведения неправомерных аналогий, программирующей номинации, моделирования причинно-следственных связей и др.), закона тождества (преднамеренное сужение или расширение тезиса, тематическое переключение), закона противоречия (объединение в одном высказывании двух противоположных мыслей) (Копнина, 2012). Следует отметить, что стандартные способы речевого манипулирования, включая и упомянутые выше, направлены на формирование оценочной шкалы, которая соответствует прагматической интенции автора (Варзапова, 2022), в связи с чем важное значение имеет изучение языковых средств, способствующих формированию оценки описываемого события.

Рассмотрим данные способы речевого манипулирования, речевые приемы и языковые средства их реализации в информационно-аналитических текстах.

Виды речевого манипулирования фактического уровня

Анализ материала показал, что наиболее распространенным видом манипулятивного воздействия фактического уровня является **искажение** информации. Данный вид манипулятивного воздействия, как правило, осуществляется при помощи различных речевых приемов. В материале исследования выделены следующие речевые приемы, используемые для искажающего преобразования информации:

– интерпретация цитаты, когда автор материала предлагает читателю определенную трактовку содержания высказывания политического оппонента, согласующуюся с избранной линией освещения событий. Так, в примере (1) журналист, придерживаясь общепринятого в западных СМИ курса антироссийской риторики, в своих комментариях к текущим событиям российской политической жизни навязывает аудитории мнение о том, что понятие “*information management*” (управление информацией), подразумевающее сбор и обработку данных и информации для достижения определенных целей и задач, имеет выраженный негативный смысл в отношении деятельности высших государственных органов власти в России: (1) *The Kremlin is estimated to have spent more than £1bn on “information management”, meaning lies and propaganda, to ensure recent presidential election “victory”* (Tisdall, 2024). / *По некоторым оценкам, Кремль потратил более 1 миллиарда фунтов стерлингов на «управление информацией», то есть на ложь и пропаганду, чтобы обеспечить недавнюю «победу» на президентских выборах* (здесь и далее – перевод автора статьи. – М. П.). В данном случае использование обладающих негативной коннотацией лексических единиц “*lies*” и “*propaganda*” для интерпретации цитируемого фрагмента подводит читателей к мысли о том, что процесс управления информацией в период избирательной кампании в России был направлен на фальсификацию итогов президентских выборов;

– смешение факта и мнения, что затрудняет формирование собственного отношения к описываемым событиям при чтении материала, как в следующем фрагменте аналитической статьи: (2) *Friday marks the grim first anniversary of the day when masked Russian officers grabbed Evan Gershkovich, an American journalist... He has been held in the infamous Lefortovo prison... where the Soviet author Alexander Solzhenitsyn was once detained* (Borger, 2024). / *Пятница омрачена первой годовщиной того дня, когда российские офицеры в масках схватили американского журналиста Эвана Гершковича... Его держали в печально известной Лефортовской тюрьме... где когда-то содержался советский писатель Александр Солженицын*, – где констатация факта о пребывании американского журналиста в российской тюрьме сопровождается выражением отношения автора материала к данному событию за счет использования негативно-оценочной лексики (*grim, infamous*), лексической единицы “*grabbed*”, имеющей отрицательную коннотацию в данном контексте. Употребляя слово “*masked*”, автор апеллирует к уже сложившемуся за рубежом негативному образу работника российских спецслужб, а вводя дополнительную информацию о пребывании в Лефортово А. Солженицына – к образу самоотверженного борца с коммунистическим режимом, тем самым подчеркивая, что Лефортово – это тюрьма для изоляции политических врагов. Транслируя собственное негативное отношение к задержанию А. Гершковича, сотрудникам правоохранительной системы и собственно власти в России, автор материала подталкивает аудиторию к мысли о незаконности произошедшего;

– навязывание пресуппозиции – скрытой посылки, допущения, которое, будучи наиболее релевантным содержательным компонентом, подается как известная, исходная информация. Данный речевой прием можно продемонстрировать на следующем примере: (3) *While the Russian people are chronically misled and serially misinformed, they are not stupid* (Tisdall, 2024). / *Хотя российский народ хронически вводят в заблуждение и постоянно дезинформируют, он не глуп*. В рассматриваемом фрагменте фактический коммуникативный центр – информация, содержащаяся в придаточном предложении. Однако эта информация подается как известная читателю и в структуре данного предложения выступает в качестве темы, соответствуя общему негативному информационному фону в сообщениях о России. Соглашаясь с неожиданным, выделяющимся на этом фоне мнением автора о том, что россияне не глупы, что презентуется в качестве основного содержательного компонента, адресат должен принять и сделанное автором допущение о наличии информационной пропаганды в российском обществе;

– навешивание ярлыков. В фрагменте (4) *Our era... is the second age of dictators. As in the first age of dictators this generation of despots act with ever-increasing impunity* (Brivati, 2024). / *Наша эпоха... это вторая эпоха диктаторов. Как и в первую эпоху диктаторов, это поколение деспотов действует с все большей безнаказанностью* использование негативных ярлыков “*dictators*”, “*despots*”, “*ever-increasing impunity*” нацелено на воспроизведение в сознании адресата созданных в западных средствах массовой информации ярко отрицательных образов стран-изгоев, глав данных государств, которые объявлены персонами *non grata* в западных странах. Дискредитация политических оппонентов осуществляется при помощи отрицательных эмоций, которые возникают при восприятии текста. Негативный эмоциональный фон, отсутствие убедительных аргументов и объективного анализа формируют предвзятое отношение к политическим конкурентам;

– преувеличение или преуменьшение важности подаваемых фактов и событий. Так, в примере (5) *Gershkovich’s year in Lefortovo and the worldwide effort to free him, has served as a constant reminder of the dangers of being a reporter...* (Borger, 2024). / *Год, проведенный Гершковичем в Лефортово, и усилия всего мирового сообщества по его освобождению стали постоянным напоминанием об опасностях работы репортера* использование часто употребляемых в политическом дискурсе клишированных сочетаний “*worldwide effort*” (всемирное

усилие, усилие мирового сообщества) и “constant reminder” (постоянное напоминание) придает описываемому событию особую значимость, способствует тому, чтобы высказывание казалось объемным и внушительным, навязывает читателю представление о том, что весь мир борется за освобождение американского журналиста (*worldwide effort to free him*), что ситуация с задержанием А. Гершковича выходит за рамки уголовного преступления и служит классическим примером преследования журналиста по политическим мотивам (*constant reminder of the dangers of being a reporter*);

– непосредственное искажение, деформация, переворачивание информации, когда совершается попытка поменять местами в сознании адресата добро и зло, соответствующее морально-этическим нормам и безнравственное, одобряемое и осуждаемое обществом. Так, автор статьи о теракте в Крокус Сити Холле, проводя анализ возможных последствий произошедшего для российского руководства, делает следующий вывод: (6) *Yet on Friday, four gunmen comprehensively demolished that myth in an anarchic frenzy of merciless violence* (Tisdall, 2024). / *Однако в пятницу четверо вооруженных людей полностью разрушили этот миф в анархическом безумии беспощадного насилия*. В данном фрагменте подвергается эвфемизации сама тема терроризма – слово «террористы» заменено эвфемизмом “gunmen” (стрелки, вооруженные лица). Кроме того, фокус внимания читателя смещается с жестоких действий террористов в отношении жертв террористического акта на возможные последствия данного события, а преступление интерпретируется как разрушение мифа о «непобедимом и незаменимом государе, защищающем матушку Россию от врагов» (*Putin as an invincible, indispensable tsar who protects Mother Russia from her enemies*). Упоминание о жестокости и насилии вынесено во второстепенный член предложения – обстоятельство образа действия (*in an anarchic frenzy of merciless violence*) к сказуемому “demolished”, что благодаря устойчивой ассоциации о взаимосвязи процессов разрушения, распада в политической жизни с неизбежным насилием в какой-то степени снимает с преступников ответственность за совершенный теракт и перекладывает ее на руководство страны.

Помимо искажения авторы часто прибегают к **селекции** информации – читателю предлагаются те факты, которые соответствуют поставленным перед ними задачам. Так, в вышеупомянутой статье, комментирующей произошедшее в Крокус Сити Холле, автор формирует негативный образ лидера России. Тщательный отбор фактов и языковых средств способствует созданию желаемого образа, оказывая скрытое воздействие на аудиторию. Например, в следующем фрагменте статьи (7) *His selfish, cold-eyed insouciance has been witnessed again and again. Remember his callous attempts to ignore the Kursk submarine disaster in 2000 and the carnage he oversaw during the second siege of Grozny. Most recently it has led to the stupidest geostrategic blunder of modern times – his invasion of Ukraine...* (Tisdall, 2024). / *Его эгоистичная, холодная беспечность наблюдалась снова и снова. Вспомните его бессердечные попытки игнорировать катастрофу подлодки «Курск» в 2000 году и бойню, которую он устроил во время второй осады Грозного. Совсем недавно это привело к глупейшей геостратегической ошибке современности – вторжению на Украину...* автор, пытаясь убедить читателя в том, что описываемое событие является одним из политических просчетов российского лидера, закономерностью, обусловленной его личностными качествами и профессиональной некомпетентностью, в качестве примера приводит факты, к которым, благодаря системной антироссийской пропаганде, уже сложилось устойчивое негативное отношение в западном обществе (гибель подводной лодки «Курск», штурм Грозного во время второй чеченской войны, специальная военная операция на территории Украины). При этом автор намеренно уходит от фактического описания к оценочному, пытаясь навязать адресату определенное видение ситуации. Это осуществляется за счет использования эпитетов “selfish”, “cold-eyed”, “callous”, обладающих негативной эмоциональной окраской; лексических единиц с отрицательной коннотацией – “ignore”, “blunder”, “carnage”, “disaster”, “siege”, “invasion”; превосходной степени негативно-оценочного прилагательного “stupid”; лексического повтора (*again and again*), подчеркивающего многократность политических ошибок, ощущение замкнутого круга; повелительного наклонения (*Remember...*), побуждающего адресата к действию и усиливающего пафос высказывания.

Селекция информации, как правило, сопровождается **блокировкой** определенных информационных компонентов. Так, в примере (7) в качестве причин начала специальной военной операции, которая, по мнению автора, является геостратегической ошибкой российского руководства, названы личностные характеристики президента России, а в качестве примеров подобных геополитических ошибок приводятся негативно воспринимаемые западной аудиторией факты, в то же время автор избегает анализа определенных действий политического руководства ряда западных стран как возможных причин конфликта, что в целом способствует укреплению в сознании западной аудитории представления об СВО как о «неспровоцированной агрессии» со стороны России.

Паралогические риторические приемы

Наиболее частотным среди паралогических риторических приемов, используемых авторами анализируемых материалов, является прием **бездоказательного утверждения**, который, как правило, реализуется за счет чрезмерной категоричности высказывания, отсутствия аргументации, отсылки к источнику информации. Особый интерес с точки зрения эффективности манипулятивного воздействия представляют такие способы реализации данного приема, как использование универсальных высказываний и бездоказательных утверждений, представленных имплицитно. В следующем фрагменте универсализация высказывания достигается благодаря лексеме “all”: (8) *The reality is that all states spy on each other* (Jenkins, 2024). / *Реальность такова, что все государства шпионят друг за другом*. Возникающий эффект множественности, типичности констатируемого факта используется автором статьи в поддержку мнения ряда политических сил Великобритании о необходимости налаживать экономические отношения с Китаем, несмотря на нелегальную деятельность

китайской разведки на территории Британии, для создания у адресата представления о том, что такие действия политического соперника могут расцениваться как приемлемые. В примере (9) *In any normal political system, his resignation would be expected* (Tisdall, 2024). / В любой нормальной политической системе его отставка была бы ожидаемой бездоказательное обвинение в ущербности политической системы России содержится в имплицитной форме, формируется антитеза, первый компонент которой представлен эксплицитно (*normal political system / нормальная политическая система*), а второй подразумевается (ненормальная политическая система).

В информационной аналитике большую роль имеет поиск и выстраивание консеккутивных связей, к которым относятся причинно-следственные связи, а также отношения следования, умозаключения (отношение между основанием и следованием, выводом). Как показал материал исследования, в политически ангажированных материалах авторы часто прибегают к приему **комплексной эквивалентности**, который состоит в преднамеренном формировании подобных связей для достижения определенных задач. При этом значительная часть выявленных случаев использования данного приема связана с попыткой выстроить формально-логический тип консеккутивных отношений (основание – вывод), как в следующем примере: (10) *With blood on the streets and a nation in mourning, there's no doubt that the president superman myth just took a serious, bubble-bursting beating* (Tisdall, 2024). / При виде крови на улицах и нации в трауре, невозможно сомневаться в том, что миф о президенте-супермене потерпел серьезный, сокрушительный крах. В данном фрагменте в качестве посылки, выраженной предложно-именным сочетанием “with blood on the streets and a nation in mourning”, где предлог является средством выражения отношения обусловленности, выступает наблюдаемая, очевидная ситуация (теракт и эмоциональная реакция общества). Далее, на основании данной посылки делается неправомерный вывод о падении авторитета президента России в глазах общества. Категоричность вывода усиливается эмоционально-оценочным компонентом высказывания, который формируется за счет использования сочетаний “the president superman myth”, “a serious, bubble-bursting beating” с негативной эмоциональной оценкой. Таким образом, адресату скрыто навязывается субъективное, идеологически мотивированное умозаключение.

Другим распространенным паралогическим приемом является **отождествление с негативно оцененной социальной группой** либо отдельными представителями общества, отличающимися асоциальным поведением. В фрагменте (11) *Overt bullying is resurgent in politics. Trump, Putin, Netanyahu, Orbán, Milei and others do little to disguise their crude dominance behaviours* (Monbiot, 2024). / В политике возрождается открытая травля. Трамп, Путин, Нетаньяху, Орбан, Милей и другие мало что делают, чтобы скрыть свое грубое доминирующее поведение проводится параллель между поведением ряда политиков, для описания которого используются лексемы семантического поля «насилие» (*crude, dominance*), и поведением буллеров, агрессоров (*bullying is resurgent in politics*). Причисляя упомянутых политических лидеров к данной группе за счет выделения отдельных сходных особенностей поведения, автор создает негативный образ политических деятелей. При этом негативный эмоциональный фон усиливается при помощи лексемы “overt” – в политике агрессия «открытая, явная, нескрываемая»

Прием **переноса мнения части на всю группу** используется авторами информационно-аналитических материалов, чтобы представить навязываемую идею как одобряемую большинством, что подталкивает реципиента к принятию данной точки зрения без ее критической оценки. В следующем примере, используя местоимение “everyone”, автор статьи, поддерживающий пролейбористскую позицию издания, трактует мнение сторонников лейбористской партии в отношении действующего премьер-министра как разделяемое всеми представителями общества, проводя, таким образом, неоправданное обобщение: (12) *Everyone knows Sunak is bluffing, which makes the bluff worthless* (Behr, 2024). / Все знают, что Сунак блефует, что делает блеф бесполезным.

В процессе избирательной кампании в парламент Великобритании журналисты активно использовали прием **программирующей номинации**, состоящий в презентации желательных, ожидаемых событий (результаты голосования, победа поддерживаемой изданием политической партии) как уже состоявшихся. Так, в одной из статей, посвященных обсуждению вопросов, связанных с жилищной политикой, автор, говоря о мерах, которые необходимо предпринять в этой сфере следующему правительству (*the next government*), далее упоминает о нем как о правительстве, сформированном лейбористами (*the next Labour government*): (13) *The failures in housing policy are too obvious... The next government needs to take radical action to change this picture. <...> The next Labour government must break with the idea that we can no longer afford to build new social rented homes... (Apps, 2024). / Провал жилищной политики слишком очевиден... Следующее правительство должно предпринять радикальные действия, чтобы изменить эту картину. <...> Следующее лейбористское правительство должно покончить с идеей о том, что мы больше не можем позволить себе строить новое социальное жилье...* Использование уточняющей номинации, опережающей события (статья была опубликована за три месяца до выборов), создает у адресата ощущение предопределенности победы лейбористской партии и оказывает скрытое воздействие на процесс принятия решения во время предстоящего голосования. Ощущение неотвратимости такого результата выборов усиливается негативной оценкой курса, проводимого политическими оппонентами лейбористов, которая осуществляется за счет использования лексической единицы “failures”, обладающей негативной коннотацией, интенсификатора “too” в словосочетании “too obvious” и лексемы “radical”, что подчеркивает степень нерешенности описываемых социальных проблем (проблемы «слишком очевидны», для их решения необходимо «предпринять радикальные, всеобъемлющие по своему характеру действия»), лексических единиц “to change”, “to break with”, указывающих на необходимость изменения провальной политики.

Освещая предвыборную кампанию, журналисты достаточно часто прибегали к приему **проведения неправомерных аналогий**. В статье, описывающей посещение лидером лейбористов одного из церковных приходов в рамках агитационной предвыборной деятельности, автор подчеркивает следующую мысль:

(14) *A demonstrable commitment to the common good, shared by all faiths, overlaps with core principles in Labour's own history and ethical traditions* (Apps, 2024). / *Очевидная приверженность общему благу, разделяемому всеми вероучениями, во многом совпадает с основными принципами собственной истории и этических традиций лейбористов*. Используя привычно звучащий для избирателя язык политической риторики (обилие политических клише – “*commitment to the common good*”, “*shared by all...*”, “*core principles*”, “*ethical traditions*”), автор внедряет в его сознание мысль о сходстве политических принципов лейбористской партии и основополагающих принципов ведущих религиозных учений, что является несоразмерной аналогией. Подменяя истинные цели партии (борьба за власть, продвижение определенных политических взглядов) целью, связанной с достижением всеобщего блага, автор статьи укрепляет авторитет и репутацию поддерживаемой им партии.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Среди основных видов манипулятивного воздействия фактического уровня, используемых авторами медиатекстов, ведущее место занимают искажение, селекция и блокировка информации. На логическом уровне манипулирование осуществляется при помощи паралогических риторических приемов, состоящих в нарушении законов формальной логики.

В информационно-аналитических статьях искажение информации является наиболее часто используемым способом речевого манипулирования фактического уровня. Данный вид манипулятивного воздействия осуществляется посредством приемов интерпретации цитаты, смешения факта и мнения, навязывания пресуппозиции, навешивания ярлыков, преувеличения или преуменьшения значимости описываемых фактов и событий, переворачивания (деформации) информации. Селекция информации представлена целенаправленным отбором фактов, к которым сформировано определенное устойчивое отношение аудитории и сопровождается преднамеренной блокировкой нежелательных для манипулятора компонентов информации. Среди паралогических риторических приемов ведущее место в информационной аналитике занимают паралогические приемы, в основе которых лежит нарушение закона достаточного основания: прием бездоказательного утверждения (наибольшим потенциалом в плане оказания манипулятивного воздействия обладают бездоказательные утверждения, представленные имплицитно, а также в виде универсальных высказываний), прием комплексной эквивалентности (превалирует выстраивание желательных формально-логических отношений «основание – вывод»), приемы отождествления с негативно оцениваемой социальной группой, переноса мнения отдельных представителей на всю группу, программирующей номинации, проведения неправомερных аналогий.

Осуществление манипулятивного воздействия обеспечивается благодаря выбору специальных языковых средств, позволяющих встроить авторский материал в единую идеологически мотивированную линию подачи и интерпретации информации. Важное место среди данных лингвистических средств занимают языковые средства, используемые для формирования эмоционально-оценочного компонента текста: эмоционально-окрашенная лексика, эвфемизмы, эпитеты, повторы, антитезы и другие. Кроме того, в манипулятивных целях используются функционально-маркированные языковые средства, традиционно используемые в политическом дискурсе; лексические единицы, посредством которых осуществляется обобщение, универсализация высказывания; синтаксические структуры со значением побуждения; структуры, выражающие причинно-следственные связи, а также отношения следования, умозаключения, используемые для выстраивания желательных консективных связей. Авторы часто используют также такую синтаксическую организацию высказывания, которая позволяет сместить его коммуникативный центр, представить важную информацию как второстепенную.

Перспективы данного исследования видятся в дальнейшем изучении языковых средств, используемых для реализации рассматриваемых видов манипулятивного воздействия в информационно-аналитических материалах, а также изучении способов и средств оказания манипулятивного воздействия в других жанрах медиатекстов.

Источники | References

1. Битянова М. Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
2. Быкова О. Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. 1999. Вып. 1.
3. Варзапова В. Ю. Приемы речевого воздействия в заголовках сетевых медиатекстов британской качественной прессы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 8.
4. Вязигина С. Ю. Воздействующий потенциал паралогических риторических приемов (на материале текстов интернет-блогов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 3 (332).
5. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет; КДУ, 2011.
6. Добросклонская Т. Г. Язык британской качественной прессы: новости, комментарий, публицистика // Язык современной публицистики: сборник статей. М.: Флинта; Наука, 2008.
7. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1997.
8. Ильичева Ю. А. Речевое манипулирование в политическом тексте // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 4.
9. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо-Пресс, 2001.

10. Копнина Г. А. Речевая манипуляция в массмедийном тексте/дискурсе: проблема распознавания // Филология и человек. 2021. № 3.
11. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2012.
12. Нефедова Л. А. Лексические средства манипулятивного воздействия в повседневном общении: на материале современного немецкого языка: дисс. ... к. филол. н. М., 1997.
13. Никитина К. В. Речевая манипуляция как предмет лингвистического исследования // Вестник Башкирского университета. 2006. № 4.
14. Патюкова Р. В., Оломская Н. Н. Методы и приемы языкового манипулирования в текстах СМИ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. № 4.
15. Рябуха О. В., Шлопакова Д. Л. Лингвокогнитивные средства манипуляции в англоязычных медиатекстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 6.
16. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012.
17. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000.
18. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: Ленанд, 2017.
19. Шакенова М. Т., Айтмагамбетова М. Б. Приемы манипулятивного воздействия в медиатекстах (на примере русскоязычных СМИ Казахстана) // Научный диалог. 2024. № 3.

Информация об авторах | Author information

Парамонова Марина Ильинична¹, к. филол. н., доц.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени профессора М. А. Бонч-Бруевича

Marina Ilyinichna Paramonova¹, PhD

¹ The Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications

¹ paramonova_mi@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.07.2024; опубликовано online (published online): 19.08.2024.

Ключевые слова (keywords): информационно-аналитический текст; манипулятивное воздействие фактического уровня; манипулятивное воздействие логического уровня; приемы речевого манипулирования; языковые средства реализации манипулятивного воздействия; informational and analytical text; manipulative effect of the actual level; manipulative effect of the logical level; techniques of speech manipulation; linguistic means of implementing manipulative effects.